

Рина
Фиори

Моя маленькая
НАДЕЖДА

Рина Фиори

Моя маленькая Надежда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69868720

SelfPub; 2023

Аннотация

Когда я пришла в школу в качестве новенькой, то предполагала, что будет непросто. Но я даже представить не могла, что местные мажоры откроют на меня охоту, а их главный предводитель будет преследовать, чтобы встать на мою защиту.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	43
Глава 7	50
Глава 8	59
Глава 9	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Рина Фиори

Моя маленькая Надежда

Глава 1

Я – новенькая.

Никогда не мечтала оказаться в подобной роли. За время учёбы в прежней школе я видела, как относятся к новеньким – нормальным и обычным детям. Агрессия, бесконечные проверки на прочность и силу характера – только малая часть того, что выпадало на долю несчастных.

Тем более, мне не стоит ждать ничего хорошего в новой школе, с моим-то изъяном.

Но моих родителей переживания старшей дочери волновали не сильно, поэтому в один прекрасный день они собрали вещи, детей и уехали из нашего маленького, но такого уютного городка. И теперь я стою посреди незнакомого школьного двора. Одна.

Лёгкий морозный ветер покалывает кожу щёк и пытается пробраться под мою тоненькую куртку. С минуты на минуту прозвонит звонок на урок, но я всё никак не решусь войти в здание. Нельзя сказать, что я боюсь насмешек со стороны детей – нет. Но вот в класс заходить опасаясь. Пока вокруг меня разношёрстная толпа из учеников разных классов, мне

нечего бояться. Но стоит только оказаться среди сверстников, они сразу поймут, что я не такая, как все.

– Эй, колобок! Катись быстрее! – писклявый девчачий голос раздаётся справа от меня, стоит только ступить на порог школы.

– Может, тебя подтолкнуть? – на этот раз звучит бас незнакомого парня.

Я ни за что не стала бы поворачиваться на источник шума, если бы не получила толчок в плечо. Меня тут же откинуло в сторону, и я упёрлась во что-то мягкое. Подняла голову – девушка. Чуть ниже среднего роста, но довольно плотной комплекции. И что-то мне подсказывает, что это именно её сейчас колобком называли.

– Что, Мышкина-Глупышкина, глаза выпучила? – девушка с писклявым голосом толкает колобка... ногами? В зад?

Куда я попала?

– Тебе давно пора сменить фамилию на Пышкину! – ржёт парень.

Надо отметить, что одет он слишком вычурно для школьника. Дорогие качественные джинсы из тёмно-синей ткани обтягивают длинные ноги. На плечи накинут шерстяной тренкот, а под ним виднеется брендовый джемпер.

Да и спутница его явно не в школу утром собиралась – короткое чёрное платье едва прикрывает пятую точку. Это притом, что все ученики должны носить форму: белая блузка, тёмно-серый жилет и такого же цвета юбка или брюки. На

мне сейчас именно такой комплект, правда, юбка немного великовата в поясе и длинной почти по щиколотку, но мама обещала сегодня же решить эту проблему. Она занимается шитьём и без проблем может превратить неудачный предмет гардероба в роскошную вещь. Конечно, если сможет выделить время от основной работы. Для меня его часто не бывает.

– Решено! – выносит вердикт пискунья, откидывая назад прядь длинных светлых волос. – Будем звать тебя Пышкиной!

Я продолжаю молча наблюдать за представлением. Меня никто не замечает, но я привыкла быть невидимкой – это нормально, особенно когда удаётся слиться с толпой. А вот так называемый «Колобок» почему терпит издевательства в свой адрес, я искренне не понимаю.

– Ну, что? Покатим? – девушка подмигивает своему спутнику, а потом происходит то, от чего мои глаза буквально вываливаются из орбит.

Супермодная парочка подходит к предмету своих насмешек, пристраивает руки на широкой спине Мышкиной и начинают толкать её. Девушка, ожидаемо, падает на колени, ударяясь о пол, выложенный холодным керамическим гранитом.

На этом молодые люди не останавливаются, теперь они пристраивают свои ноги, обутые в дорогую обувь, на спине «Колобка». Понимаю, что если они толкнут девушку, она по-

целуется с полом, поэтому выхожу из тени.

– Эй! – кричу на этих ненормальных. Благо, голос у меня достаточно сильный, и моё замечание не остаётся без внимания. – Вы в своём уме?

Протягиваю Мышкиной руку, но та не спешит её принимать. Вот глупая. Ладно, мне не сложно взять инициативу в собственные руки. Хватаю пухлую ладонь девушки и дёргаю вверх. Надеюсь, она не станет упираться и встанет с пола добровольно, потому что своими силами я её не подниму. Всё-таки, колобком её прозвали не зря.

– С тобой всё в порядке? Ничего не болит? – обращаюсь к смотрящей на меня сверху вниз Мышкиной.

На недоумевающих нахалов, которые растерянно хлопают глазами, внимания не обращаю. Мне на этих мажоров в принципе наплевать, я привыкла, что такие, как они, считают себя королями жизни.

– А ты кто такая? – мажористый выскочка прищуривает маленькие глазки. – Пятиклашки в соседнем корпусе, вали отсюда, малявка!

– Знаешь, что? – для того, чтобы ответить расфуфыренному хаму, мне приходится ещё сильнее задрать голову. – Я может быть, и похожа на пятиклассницу, а вот ты, судя по твоим выходкам, вообще зданием ошибся. Видела, детский сад там, через дорогу.

Взмахом руки указываю в сторону улицы, наблюдая, как лицо собеседника становится пунцово-красным. Парень

рвано дышит и поднимает вверх правую руку, заноса её надо мной, словно меч палача. Только вместо того, чтобы зажмуриться и принять свою участь подобно той же Мышкиной, я делаю пару шагов в сторону, а рука мажора парит в воздухе и впечатывается в стену, возле которой я притормозила.

– Гадина! – парень шипит от боли и на этот раз реагирует быстрее. Хватает меня за шкурку, словно котёнка, и приподнимает над землёй так, что мои ноги болтаются в воздухе. – Ты за это ответишь!

– Пусти, пусти её! – Мышкина впервые подаёт голос, надо сказать, довольно приятный девичий голос. В отличие от пискуньи. Но мне это не особо сейчас помогает.

– Конечно, отвечу, если у тебя смелости хватит! – бросаю мажору, не боясь спровоцировать его на необдуманные действия.

Просто мне, в отличие от него, видно, что из кабинета с табличкой «Директор» выходит грузная высокая брюнетка. Её зовут Наталья Павловна, я познакомилась с ней, когда мы с мамой документы подавали в эту школу. И да, она директор этого «чудесного» образовательного учреждения.

Только в следующую секунду мне становится не по себе, потому что Наталья Павловна проплывает мимо, даже не посмотрев в нашу сторону.

Зато мажор не теряет и под одобрительное улюлюканье пискуньи с размаху швыряет меня на пол.

В полёте я предчувствую, как приземлюсь сейчас на хо-

лодную плитку, набью себе синяки или того хуже, поврежу какую-нибудь часть тела. Но всего этого не происходит, потому что какая-то неведомая сила ловит меня подмышки и уверенно ставит на пол.

– Майкл, Ди! Вы опять за своё? – хриловатый бас раздаётся за моей спиной, и я медленно оборачиваюсь. Задираю голову повыше, откидываю назад светло-русые пряди волос, которые растрепались после стычки с мажором и теперь загораживают мне обзор, и разглядываю своего спасителя.

Черноглазый высоченный брюнет с широкими плечами и лёгкой щетиной на лице словно позабыл о моём существовании. Сейчас он смотрит на парочку взбалмошных школьников, который виновато опускают взгляд в пол. А потом и вовсе, исчезают из поля зрения.

– Иди, кнопка, – он легонько щёлкает меня большими пальцами по носу, – твои в соседнем здании, всю грызут гранит науки и ластики на карандашах.

Он широко улыбается, обходит меня с левой стороны и выходит на улицу.

– Держи, – Мышкина протягивает мой рюкзак, который слетел с плеч, когда мажор пытался познакомить меня с местным напольным покрытием.

– Спасибо, – шепчу, не сводя взгляда с двери, за которой только что исчез мой спаситель. Интересно, это ученик или кто-то из молодых учителей? Для школьника он выглядит слишком взрослым, а для педагога – чересчур юным.

– И тебе спасибо, ты смелая, – брякает Мышкина, вырывая меня из размышлений.

Она машет рукой и, оправдываясь, убегает. Ещё бы, звонок прозвенел минут пять назад, и мне тоже не мешало бы пойти на занятия.

В каком кабинете урок у одиннадцатого класса?

Глава 2

Шустро перебирая короткими ногами, поднимаюсь на второй этаж. Если верить расписанию, которое висит на стене возле учительской, то класс, в который меня определили, занимается сейчас в 14 кабинете. И идёт так урок химии, которую я к счастью, очень люблю. А ещё, знаю на «отлично», поэтому смогу ответить за своё опоздание.

В моей старой школе химичка была – просто жуть. За малейшее опоздание она вызывала к доске и гоняла по всему пройденному материалу. А если кто-то вдруг начинал шептаться или того хуже, смел переговариваться в полный голос, она швыряла в нарушителя фломастером для доски. Поговаривали, что эта привычка у неё осталась с тех времён, когда в классах висели обычные доски, на которых писали мелом. Именно мелом она раньше и кидалась.

Но химик Эрна Владимировна довольно сильный, любого оболтуса может к ЕГЭ подготовить, если возникает необходимость. У неё каждый год кто-нибудь из выпускников сдаёт предмет на сто баллов.

Останавливаюсь возле двери нужного кабинета и уверенно стучу в пластиковое полотно. Надеюсь, мой стук услышат.

Медленно опускаю дверную ручку вниз и заглядываю в кабинет.

– Простите, можно?

Возле доски стоит высокая худая женщина. Она оборачивается на мой голос, и очки, сидящие высоко на носу, слегка спускает на переносицу.

– Скворцова Надежда? – спрашивает учительница тонким голосом.

Радуется, что её предупредили о том, что в классе новая ученица. И женщина не задаёт лишних вопросов.

Молча киваю в ответ и ищу глазами свободное место. Присаживаюсь за первую парту, достаю из рюкзака учебник, тетрадь и ручку.

Боковым зрением замечаю, что справа от меня, за соседней первой партой сидит Мышкина-Пышкина, которая «колюбок». Отчего-то становится светло на душе, что мы с девушкой оказались в одном классе.

Ещё меня радует полное равнодушие со стороны остальных одноклассников. Но я прекрасно понимаю, что причина может крыться не в сознательности сверстников, хотя этот вариант был бы самым оптимальным. Вполне вероятно, что учительница химии обладает таким авторитетом среди учеников, что они не смеют при ней и рта раскрыть лишней раз.

По ощущениям проходит половина урока. Часов в кабинете нет, а доставать телефон, чтобы посмотреть время, я не хочу. Это всё-таки неуважительно по отношению к преподавателю.

Я мысленно радуюсь тому, что попала в такой примерный и дисциплинированный класс, но моя радость мгновен-

но улетучивается, когда входная дверь открывается и с грохотом ударяется о стену. Пятнадцать голов, не считая учительницы, оборачиваются, как по команде в сторону источника шума.

В кабинет плавной походкой входит девушка, с которой я столкнула при входе в здание. Ди её, кажется, мой спаситель называл. Вот, собственно, и он. А замыкает неторопливую процессию мажорик, который меня об пол швырнуть пытался.

– Штерн! Чернышевский! Ря-гу-зов... – громкий крик химички медленно сходит на «нет» с появлением в кабинете нахального мажора.

Компашка рассаживается по местам, громко перешёптываясь друг с другом и с некоторыми другими одноклассниками. Они ударяют друг друга по рукам в знак приветствия, а от бывшего благоговения не остаётся и следа. Подростки, словно, сходят с ума после появления троицы. Вот тебе, и дисциплинированный класс.

– О! – выкрикивает мажорик. – А эта мелюзга что у нас в классе делает?

Я не оборачиваюсь на его возглас, но чувствую кожей спины, что он прожигает во мне дыру.

– Михаил, – химичка обращается к парню заискивающим тоном, – до конца урока осталось меньше десяти минут, ты позволишь мне закончить?

От услышанного я слегка приоткрываю рот, а мои брови

начинают жить собственной жизнью и стремительно ползут вверх.

Вот тебе и учительский авторитет.

Оставшееся время пытаюсь сосредоточиться на объяснении домашнего задания. Звенит звонок, и кабинет, а вместе с ним и вся школа, наполняются размеренным жужжанием.

Я собираю свои вещи с парты и складываю их в рюкзак, снимаю со спинки стула куртку – не успела занести её в гардеробную.

К моей парте подходит Мышкина.

– Привет ещё раз, – она говорит довольно тихо. Создаётся впечатление, что опасается, будто её кто-то услышит. – А ты... ты серьёзно...

Девушка окидывает меня взглядом, когда я поднимаюсь со стула, но не говорит больше ни слова, только прикусывает нижнюю губу. Не знает, как спросить.

– Да, мне семнадцать, я учусь в одиннадцатом классе, – отвечаю, предвидя назревающие в голове Мышкиной вопросы. – Меня, кстати, Надей зовут.

Протягиваю руку для приветствия, которую девушка охотно пожимает.

– А я Вера. Вера Мышкина, – широко улыбается.

Выглядит вполне жизнерадостной, не то, что сорок минут назад в коридоре. Походила на зашуганного зверька, хотя при её комплекции она этих двоих мажоров одной левой раскидала бы.

– Слушай, покажешь мне, где здесь у вас столовая или буфет? Я с утра голодная, как волк, – обращаюсь к своей новой знакомой.

Девушка охотно кивает, но очень скоро безмятежная улыбка на её лице сменяется растерянностью.

– Не так быстро, малявка, – раздаётся за спиной до боли знакомый голос.

Набираю в грудь побольше воздуха и оборачиваюсь, смело встречая разьедающий взгляд сразу двух пар глаз.

– Значит так, – чеканит мажор, – или ты сейчас же просишь прощения за инцидент в холле, или... – он многозначительно играет бровями, надеясь нагнать на меня таким образом ужас.

– Или? – я складываю руки на груди и смотрю внимательно на худощавого наглеца. Голову приходится сильно задирать, но я привыкла смотреть на мир снизу вверх.

– Ты чё типа смелая, да? – парень трёт пальцем кончик носа и в целом становится более агрессивным. – Да я тебя на клочки порву, поняла, недоросль?

Мышкина пытается дёрнуть меня за рукав, но я продолжаю стоять на месте неподвижно, даже когда Михаил делает рывок в мою сторону.

Только сейчас замечаю, что на самой дальней парте, в углу, сидит мой спаситель. Одна нога упирается в пол, а вторая стоит на стуле. Парень внимательно следит за представлением, и что-то мне подсказывает, что именно его пристальный

взгляд держит нахального мажора на цепи.

– Не порвёшь, – произношу тихо, но достаточно уверенно. Понимаю, что играю с огнём, но и пойти против своей природы не могу. Я не привыкла испытывать страх перед такими, как этот избалованный мальчишка, и всегда смело смотрю в лицо опасности. – Духу не хватит.

Последнюю фразу выдыхаю с лёгкой улыбкой на губах. Замечаю, что глаза парня начинают растерянно бегать по классу, он смотрит куда угодно, лишь бы не на меня. Его обескураживает моя смелость в сочетании с внешностью человека, абсолютно не способного за себя постоять.

При росте метр и сорок два сантиметра я больше похожу на пятиклашку, чем на ученицу выпускного класса. И только если внимательно присмотреться к моему лицу и фигуре, можно понять, что мне уже не десять лет. Поэтому внутренняя уверенность в себе – это моё единственное оружие, которое я не боюсь применять против таких, как Михаил.

– Ну, и дура! – наконец выплёвывает парень, хватая с парты рюкзак и выскакивает из класса.

Конечно, оскорбления идут в ход, когда заканчиваются аргументы. Я привыкла к такому.

Только сейчас обращаю внимание на Ди, которая молча стояла и наблюдала за жалкими потугами своего дружка. В отличие от нашей предыдущей встречи, она ведёт себя слишком тихо, я бы даже сказала, скромно. Только щёлкает языком презрительно, качает головой и уходит вслед за мажо-

ром.

– Вот ты бессмертная, – вздыхает восхищённо Мышкина, когда мы выходим из кабинета химии и спускаемся на первый этаж, в буфет.

– Никто не бессмертен, – отвечаю философски, пытаюсь за толпой разглядеть конец очереди.

Мы с Верой берём по стаканчику чёрного чая. Девушка покупает ещё кусок пиццы и пирожок с картошкой, а я предпочитаю перекусить овсянкой.

– Ты серьёзно наешься такой маленькой порцией? – Мышкина морщится, глядя на тарелку с кашей.

– Вер, ну представь, если я поправлюсь, на кого похожа буду при таком росте? – в одной руке держу ложку, а второй подпираю подбородок.

Меня веселит растерянность одноклассницы. Я-то привыкла к своему маленькому росту, поэтому стараюсь относиться спокойно к реакции окружающих людей. А вот новые знакомые обычно неоднозначно реагируют на меня. Кто-то считает неполноценной, а кто-то забавной.

Девушка хлопает длинными ресницами и закрывает обратно рот, который открыла для того, чтобы откусить кусочек от пирожка. Откладывает хлебобулочное изделие в сторону и молча пьёт свой чай. Кажется, она о чём-то важном задумалась, поэтому не проронила больше ни слова, пока я не попыталась заговорить.

– А... вот это Михаил... – не знаю, как начать разговор.

Мы едва знакомы, и дружеская беззаботная беседа не клеится вот так вот с ходу.

– Рягузов? Который тебя запугать пытался, ты про него спросить хочешь?

Киваю, допивая остатки чая. Не скажу, что меня одолевает любопытство касательно этих мажоров, просто я хочу хотя бы примерно знать, чего стоит опасаться.

– Мишка сын нашей директрисы, – выпаливает Вера, а мне в один миг становится понятно, почему Наталья Павловна прошла мимо, когда мажор пытался разделаться со мной в холле перед уроками.

– А... Ди?...

– Диана Штерн, подружка их, – в той же беззаботной манере продолжает девушка.

– Их, это кого?

– Рягузова и Чернышевских, – она всё-таки тянет руку за куском пиццы и буквально проглатывает её целиком. Видимо, за разговором забывает про мои намёки и съедает всё, что купила. – Влада ты видела, это он тебя перехватил, когда Рягузов, ну...

– Я поняла, – натянуто улыбаюсь.

– Вот. У Влада есть брат троюродный, по сравнению с ним, Майкл и Ди – просто ангелы.

Вера смахивает крошки с груди, которые насыпались на ткань белоснежной блузки, и вытирает губы салфеткой.

– Извини, конечно, но ты так спокойно говоришь про этих

двоих, и это после того, как они тебя унизили? – моё врож-
дѐнное чувство справедливости не позволяет мне промол-
чать.

– Ай, – Вера беззаботно машет пухленькой ручкой, – я
привыкла. Ты всё? А то у нас общество следующим, училка
не терпит опаздунов.

Мышкина резво поднимается из-за стола, перекидывая
через плечо длинную тяжѐлую косу. У неё красивые волосы
– светло-каштановые, прямые и блестящие. Да и на лицо де-
вушка вполне симпатичная, если не брать во внимание лиш-
ний вес.

Я следую её примеру и тоже поднимаюсь, не сводя глаз с
новой одноклассницы. Это как же нужно было сломать че-
ловека, чтобы он так не уважал себя и терпел унижения от
каких-то богатеньких выскочек?

Глава 3

Сколько я себя помню, мой отец всегда находился в поиске новой работы. Ни на одном месте он не задерживался больше полугода, а иногда не дорабатывал и месяц. Если бы не мамина любовь к шитью, я боюсь, мы вообще не выжили бы.

Единственное, что утешало в перерывах между очередным увольнением и папиным поиском себя, он ограничивался одним населённым пунктом.

Отец просто увольнялся из одной организации, устраивался в другую, опять увольнялся и впадал в депрессию. И так по кругу, пока не находил новое место, которое, как он говорил, то самое.

Но в последний раз папа с чего-то решил, что всему виной город, в котором мы живём. Мол, он проклят, и поэтому отцу не везёт. Мама всегда молча во всём поддерживает отца, поэтому согласилась на переезд, а вот я...

Мне безумно не хотелось переходить в другую школу накануне выпускных экзаменов. Я слёзно умоляла родителей подождать с переездом хотя бы четыре месяца, но отец оказался непреклонен. Он выставил на продажу наш дом, который достался ему от бабушки с дедушкой, и очень быстро нашёл покупателя.

Более того, папа даже не удосужился лично посмотреть

новый дом, лишь попросил продавца снять видео. Сказал, что все сейчас так делают, в этом нет ничего страшного. Я только молча вздыхала и поражалась слепоте своих, окрылённых скорыми переменами, родителей.

Зато теперь у моего отца нет времени на депрессию. И на поиск новой работы тоже. Все силы уходят на ремонт канализации и проводки, потому что стены ему на видео сняли. А вот о других проблемах предпочли умолчать.

А ещё наш новый дом находится на приличном расстоянии от школы, на самой окраине города. И автобус в эту сторону ходит только дважды в день – утром и вечером, поэтому возвращаться мне приходится пешком. Дорога занимает целый час, а ноги гудят, когда я переступаю порог дома.

Громкий хлопок сотрясает стены и заставляет меня зажмуриться.

– Блин, Тимка, Надька пришла, – слышу заговорщический, но довольно громкий шёпот в соседней комнате.

Медленно ступаю по деревянному полу и прохожу в кухню. Дима стоит на кухонном столе и пытается прилепить что-то к потолку, а второй брат дёргает ручку двери, ведущей в мою комнату. Видимо, её он закрыл с такой силой, что стены дома чуть не обрушились на мою голову.

– Что здесь происходит? – произношу строго. Несмотря на маленький рост, у меня очень сильный голос, и братья вздрагивают от интонации, с которой я к ним обращаюсь.

– Ничего! – Димон спрыгивает со стола на пол и отскаки-

вает от меня на приличное расстояние.

Бойтся.

Но я подозреваю, так продолжаться будет не долго. Эти два брата-акробата уже почти догнали меня по росту, а что будет дальше?

– Что ты там дёргаешь? – фырчу на Тима, который словно приклеился к дверной ручке.

– Н-ничего! – да эти близнецы другие слова знают? – Во-от! Дверь перед тобой открыть хотел.

Брат взмахом руки указывает на мою комнату и уносится прочь вслед за Димкой.

Я медленно прохожу в спальню и от неожиданности роняю рюкзак на пол. Глухой звук заполняет пространство, а я цепенею от шока. Здесь случился Армагеддон?

Осматриваю стены своей небольшой комнаты. Создаётся ощущение, что сюда пробрался вор. А точнее воры, потому что я уверена – преступников было двое.

Учебники, которые были аккуратно расставлены на полке, разбросаны на полу в разные стороны. Кровать абсолютно пуста, зато рядом лежит матрас, чуть в стороне – постельное бельё. Опять батут из моего матраса сделали, изверги мелкие.

– Ах вы!.. – я выбегаю из комнаты и мчусь на поиски этих двоих засранцев, но дверь в их комнату захлопывается буквально перед моим носом.

Колочу в дверное полотно, выкрикивая в адрес двух ма-

лолетних сорванцов разнообразные проклятия. Блин, им же уже по десять лет, а ведут себя как пятилетки. Ещё и надо мной потешаются, что я ростом не вышла, на их ровесницу похожу.

– Я хотя бы ростом не вышла, а вот вам двоим не помешало бы отрастить себе хоть немного мозгов! – кричу, в очередной раз, ударяя кулаком по двери.

Терпеть не могу, когда кто-то берёт моё. А братья, будто специально то и дело роются в моих вещах, но сегодняшняя выходка – это просто апогей их фантазии. Надеюсь.

– Надя! – возмущённый голос матери достигает моего слуха, когда я в очередной раз заносу сжатую в кулак руку для удара по дверному полотну.

Женщина возмущённо барабанит пальцами по косяку двери. Рыжие волосы собраны в гульку на макушке, а губы сжаты в тонкую линию. Она смотрит на меня сверху вниз и хмурит тонкие брови.

– Мам, я...

Братья однозначно не правы, но расстраивать мать нашими разборками не хочется. По всему видно, что она и так на взводе.

– Прости, я... вспылила...

Опускаю руки по швам и смотрю на родительницу.

– Вроде бы взрослая, а ведёшь себя, как... – она окидывает меня презрительным взглядом и морщится. Приплыли.

– Прости, – я поджимаю губы. Мне не приятен её снисхо-

дительный взгляд и недовольное фырканье в разговоре, но я терплю.

Я стараюсь не вступать в конфликты с мамой, хоть иногда и очень хочется. Во-первых, меня приучили уважать старших, а во-вторых, я прекрасно понимаю, что маме и без моих истерик не сладко живётся. Новый дом, безработный муж, который находится в вечном поиске своего призвания, и трое детей на шее – отличное комбо для того, чтобы жизнь сорокалетней женщины не казалась мёдом.

– Лучше помоги мне на кухне, довари борщ, а мне нужно дошить новый заказ.

При упоминании о первых клиентах в малознакомом городе, губы матери расплываются в улыбке. Ей нравится её работа, а ещё возможность чувствовать себя важной и нужной.

– Конечно, мам, – я покорно иду на кухню, надеваю фартук.

Пока вожусь с борщом, не замечаю, что время приближается к четырём часам дня. Вот засада – у меня консультация по химии через час, пора выдвигаться.

Самое неприятное, что поесть я толком не успеваю, лишь перехватываю на ходу кусок хлеба со сладким чаем, и выбегаю из дома, напоследок предупредив маму об уходе.

Как по мне, лучше бы дополнительные занятия по подготовке к ЕГЭ проводились сразу после уроков. Тогда мне не пришлось бы ходить туда-сюда. В моей прежней школе

именно так и было всё устроено, а в этом учебном заведении свои правила, с которыми мне остаётся только смириться.

Интересно, кто ещё из моего класса сдаёт по выбору химию? Надеюсь, Рягузова и Штерн на консультации не будет, иначе не видать мне покоя до самых экзаменов.

Глава 4

Утром школа походила на огромный муравейник, в каждом уголочке которого бурлила жизнь. Сейчас же она напоминает большую пустую берлогу, оставшуюся без жильцов.

Огромные настенные часы, висящие в холле, показывают 17:05, а значит, консультация по химии уже началась. С учительницей, Татьяной Анатольевной, я познакомилась ещё утром, и она мне показалась вполне адекватным педагогом, если не брать во внимание её лесть по отношению к сыну директора. Но это всё нюансы, главное, меня она за опоздание на урок не отчитала.

– Извините, можно? – открываю дверь в кабинет химии, привлекая к себе внимание Татьяны Анатольевны и... одного единственного ученика.

За первой партой сидит Влад Чернышевский и старательно переписывает в тетрадь то, что учительница успела написать на доске в моё отсутствие. Он лишь на мгновение отвлекается от своего важного занятия, бросив на меня мимолётный взгляд.

– Проходи, Соколова! – бросает женщина.

– Простите, но я Скворцова, – не могу удержаться от замечания. Тем более, звучит оно достаточно вежливо.

– С Владом садись, – учительница недовольно цокает языком, – у меня второй копии теста нет.

Только сейчас замечаю, что Чернышевский не с доски что-то переписывает, а из какой-то книги, лежащей на парте. Видимо, это сборник задач.

Покорно плетусь к первой парте и отодвигаю стул, опускаюсь на него. Быстрыми движениями достаю из рюкзака тетрадь и ручку, и приступаю к заданию.

Надо же, я всего лишь на пять минут опоздала, а Влад вместе с Татьяной Анатольевной уже вторую задачу решают, может быть, раньше начали?

Я оперативно переписываю условие, чтобы Чернышевский мог перевернуть страницу, на которой следующее задание, и приступаю к решению.

До конца занятия Влад ведёт себя так, словно рядом с ним никто не сидит. Мне должно быть безразлично отношение этого парня, но неприятный укол в области сердца свидетельствует об обратном.

И только спустя десять минут, когда Татьяна Анатольевна уходит из кабинета, бросив напоследок, что очень спешит и, попросив Влада запереть кабинет, я понимаю, что ошиблась. Уж лучше бы он и дальше меня не замечал.

– Подожди! – парень бросает довольно грубо и, крепко сжав моё запястье пальцами, прижимает руку к парте.

– Пусти! – я ни капли не теряюсь, хотя, надо признать, его прикосновение проносится разрядом тока по телу. – Что ты себе позволяешь?

– Сядь и послушай! – всё в том же приказном тоне. А ведь

показался мне довольно милым парнем. Не думала, что первое впечатление настолько обманчиво.

– Говори, я слушаю! – усилием воли высвобождаю руку из крепкого захвата и потираю слегка покрасневшее запястье. Складываю руки на груди.

Влад злится. Вижу это по раздувающимся ноздрям и дёргающейся на шее венке. Резко отворачиваюсь, чтобы он случайным образом не заметил, что я его разглядываю.

– Не смей лезть в дела нашей компании, мелочь! Иначе тебе же будет хуже! – цедит ядовито. Чувствую, что кисти рук и стопы ног холодеют, а сердце начинает бешено стучать о рёбра.

В моей старой школе, конечно, всякое случалось, но так откровенно мне никто и никогда не угрожал.

Влад встаёт из-за парты, вырастая надо мной и давя своей жуткой энергетикой. По коже бегают колкие мурашки, а ноги так и хотят сделать хотя бы шаг в сторону от этого парня.

Никогда не думала, что так плохо разбираюсь в людях, наоборот, казалось, я с первого взгляда могу определить, кто и то из себя представляет. Но глядя на Чернышевского понимаю, что ошиблась на все сто процентов.

– Ты меня услышала? – произносит шёпотом, подойдя ко мне непозволительно близко. Я стою, словно гвоздями прибитая к месту. Ни за что не позволю кому-либо считать меня трусихой.

Влад замечает мой непоколебимый настрой, поэтому

недовольно хмурит брови, а его чёрные глаза сверкают злостью. Он кивает головой, словно самого себя убеждает в чём-то, хватая рюкзак со стула и идёт к выходу.

Запоздало вспоминаю, что ключи от кабинета у Чернышевского. Не хватало ещё, чтобы он меня запер здесь на ночь. Судя по настроению этого парня, от него можно ожидать чего угодно.

Как попало собираю свои вещи и пулей вылетаю из кабинета, не бросив ни слова на прощание. Много чести.

Надо же, какой гнилой человек оказался, а я ещё подумала, что он хороший. На занятии обратила внимание, с какой лёгкостью Влад задачки по химии щёлкал, восхитилась про себя его умом и эрудицией. Вот же...

– Эй, мелочь, – басит сбоку.

От неожиданности роняю куртку, которую только что сняла с крючка. Зачем он за мной пошёл?

Наклоняюсь, чтобы поднять свою одежду и больно ударяюсь лбом о голову парня. Не поняла, он мне помочь пытается?

– Послушай, – выпрямляюсь, отряхиваю куртку от пыли. Кажется, влажную уборку здесь не особо жалуют. И это самая лучшая школа в городе? – Я не собираюсь никуда лезть, чего ты ко мне привязался?

Мне, безусловно, льстит внимание такого красавца, как Влад, и если бы нам было лет по десять, я бы даже подумала, что понравилась ему. В таком возрасте мальчики обычно пы-

таются обратить на себя внимание девочек разными глупостями. Но мы уже в одиннадцатом классе, и даже если Чернышевский своим преследованием пытается привлечь моё внимание, то он зря старается. Я не могу всерьёз воспринимать человека, который ведёт себя, как маленький ребёнок.

Вскидываю голову и смотрю в глаза парня. Они такие чёрные и глубокие, что становится не по себе от пронизывающего взгляда.

– Я надеюсь, – бросает леденящим тоном и выходит из гардеробной.

Влад

– Извините, можно? – дверь в кабинет тихо открывается.

Я сижу за первой партой, решаю задания теста, который мне дала Татьяна Анатольевна. Стараюсь не отвлекаться, но меня так и тянет повернуть голову в сторону новенькой.

Химичка говорит ей сесть рядом со мной. Только этого не хватало.

Девчонка отодвигает стул, присаживается. Начинаетковыряться в рюкзаке. Достает необходимые принадлежности. Меня словно не замечает.

С каких это пор я стал похож на пустое место?

Скворцова торопливо переписывает условие задачи, и я переворачиваю страницу. Исподтишка наблюдаю за тем, как быстро она выполняет задание.

Не глупая.

А ещё очень смелая. Других таки не встречал.

У нас в классе восемнадцать человек, но никому и в голову не приходило поспорить с тем же Мишкой Рягузовым. Ещё бы, он ведь сынок директорский, перед ним только пресмыкаться положено.

Остальным. Ни мне. Я всегда на особом положении, потому что к каждому знаю подход. Вижу границы и имею чувство меры.

А эта мелочь, ростом напоминающая пятиклассницу, не побоялась заступиться за незнакомую девушку. Со стороны это выглядело странно и отчасти даже глупо. Мишка – длинный шланг, и Надя – на две головы ниже ростом.

Но её поступок определённо вызывает уважение.

Консультация подходит к концу, химичка покидает кабинет. Торопится бедная. У неё муж строгий, терпеть не может, когда Татьяна Анатольевна на работе задерживается. Пару раз даже скандал устраивал прямо в школе. На виду у учителей и учеников.

С тех пор женщина старается не задерживаться ни на минуту.

– Владик, – ненавижу, когда меня так называют, – закрой, пожалуйста, дверь.

Молча киваю, глотая негодование.

С другой стороны... Мне на руку остаться с этой мелочью наедине.

– Подожди! – хватаю новенькую за запястье, прижимаю её руку к парте.

– Пусти! – и откуда в ней столько смелости ума не приложу. – Что ты себе позволяешь?

– Сядь и послушай! – приказываю.

Пытается освободить руку. Не препятствую, отпускаю.

Отворачивается от меня, словно я ей успел опротивить.

Эй, девочка, мы знакомы один день!

– Не смей лезть в дела нашей компании, мелочь! Иначе тебе же будет хуже! – цежу ядовито. Не потому что забочусь о своих друзьях, у меня их попросту нет.

Я переживаю за эту незадачливую девчонку. Как бы её смелость не граничила с глупостью.

– Ты меня услышала? – нависаю над ней.

Непробиваемая. Смело смотрит мне в глаза, так, что становится противно от самого себя.

Но другого выбора у меня нет.

Глава 5

– Ну, и, конечно же, я надеюсь, вы уже познакомились с нашей новенькой, – вещает Инна Витальевна, наша классная руководительница. – Наденька, встань, пожалуйста...

– На табуретку! – ржёт Рягузов, развалившись на соседнем стуле.

Я бы ни за что не села рядом с этим хамом, но учительница начала урок, и мне показалось невежливым перебивать её и просить отсадить от меня Михаила.

– Мишенька, – скалится Инна Витальевна. До чего противно наблюдать, как взрослые люди пресмыкаются перед этим мажориком.

– Не, ну, а что, – продолжает веселиться парень.

– Майкл, – тихо, но отчётливо звучит знакомый бас. Чернышевский. – Заткнись.

Искоса поглядываю на Рягузова, который после слов друга начинает активно ёрзать на стуле. Издаёт несколько судорожных смешков и успокаивается.

Спину печёт от желания обернуться и посмотреть на этого недозащитника, но я умею держать себя в руках. Тем более, классная руководительница такое говорит, что я про Влада напрочь забываю.

– Я думаю, надо помочь Наденьке влиться в наш дружный коллектив, – опять улыбается. Интересно, у неё скулы

не сводит от бесконечного оскала? И неужели она всерьёз считает этот змеюшник дружным? – Ой, а Любочки ещё нет сегодня?

Женщина прикладывает одну руку ко рту, а второй заправляет за ухо короткую светлую прядь. Пробегается глазами по классу.

– Дианочка, давай, тогда ты, как заместитель старосты, придумаешь какое-нибудь занятие для нашей новенькой, а мы пока приступим к теме урока.

Инна Витальевна ведёт математику и параллельно является классным руководителем. В целом, женщина довольно приятная, но только слишком перед директорским сыночком лебезит. А я терпеть не могу лесть, люблю всю правду в лоб говорить. Мама считает, что так юношеский максимализм проявляется, и с возрастом это пройдет. Надеюсь, что нет.

После первого урока ко мне подходит Мышкина.

– Надь, ты бы не связывалась с Дианкой... – тянет, поджимая пухлую нижнюю губу.

– А я, думаешь, горю желанием общаться с этой мажоркой? Ты же сама всё слышала, что Инна Витальевна придумала.

Я поправляю лямку рюкзака, которая упорно пытается съехать с моего плеча, и машинально оглядываюсь по сторонам. Лучше бы не смотрела.

Штерн перехватывает мой взгляд и идёт в нашу с Верой

сторону.

– Что, Соколова, вылупилась?

Специально перед моим носом красными когтями машет.

– Я Скворцова, ясно? Сквор-цо-ва! – по слогам повторяю.

Никому не позволю себя унижать.

– Слушай, я вот не пойму, – Диана выставляет одну ногу вперёд, демонстрируя край чулка, выглядывающего из-под чёрной мини-юбки. – Ты такая смелая, потому что дура? Или ты просто дура?

Возвожу глаза к потолку, прикрываю на мгновение. Смотрю на оппонентку.

– Ты для меня задание нашла уже? – слегка склоняю голову набок. Мне не нравится этот разговор, не нравится внимание мажоров к моей персоне. Я пришла в школу, чтобы учиться, а не вот это вот всё.

– Ооо! – тянет восторженно. Напрягаюсь. – Я такое задание тебе придумала, мигом в коллектив вольёшься. Только вот что скажи мне, с чего это Влад за тебя заступается уже второй раз, м? – сверлит презрительным взглядом. Ревнует? Возможно, только я тут точно не причём.

– У него спроси, – невозмутимо пожимаю плечами. Кажется, моё спокойствие выводит девушку из себя.

– В общем, после уроков жду тебя в библиотеке, не опаздывай!

Девушка наигранно дружелюбно машет мне рукой и торопливо покидает наше общество.

– В библиотеке?.. – развожу руками.

Следующим уроком стоит английский. Класс небольшой, но всё равно разделён на две группы, как обычно.

Рягузов и Штерн оказываются в другой подгруппе, что не может не радовать, а я попадаю в класс вместе с Верой. И Чернышевским.

– Не советую тебе отвечать на предложение Штерн, – Влад присаживается на соседний стул и разворачивается ко мне всем корпусом.

В отличие от своих дружков, он соблюдает правила школы и занятия посещает одетый исключительно по форме. Правда, в этих классических брюках, жилете и белоснежной рубашке он больше напоминает молодого бизнесмена, а никак не ученика одиннадцатого класса.

– Ты о чём? – изгибаю одну бровь.

– Ты понимаешь, о чём я, – всё тем же холодным тоном.

Да что же он ко мне привязался-то?

– И как ты себе это представляешь? Инна Витальевна дала поручение, мне проигнорировать классного руководителя? Или что? – развожу руками.

– Ди что-то задумала, если не хочешь вляпаться в неприятности, послушай меня, – встаёт и уходит, садится за последнюю парту.

Весь урок сижу, словно на иголках, даже пропускаю пару раз обращение учительницы.

– Упражнение номер пять, Скворцова! – Юлия Сергеевна

повышает голос, а до меня только доходит, что то же самое она говорила только что на английском как минимум три раза. А я, как полная дура, сидела и хлопала глазами, пожирая взглядом пустоту.

– Надежда!

Вздрагиваю, перевожу взгляд на учительницу. Та с грозным видом советует быть внимательнее, я усердно киваю и снова погружаюсь в свои мысли.

Сразу после урока беру свои вещи и подхожу к парте, за которой сидит Влад. Я не из тех людей, кто станет молчать и изводить себя догадками.

– Что тебе от меня нужно? – спрашиваю без лишних предисловий.

Парень сидит, откинувшись на спинку стула, и кажется таким независимым. Весь его вид кричит о том, что он не чувствует себя рядовым учеником, и даже учителя должны обращаться к нему на вы и шёпотом.

– Мне? – усмехается. – От тебя? – произносит гораздо громче, так, что две девчонки, сидящие впереди Чернышевского, оборачиваются и окидывают меня сканирующим взглядом.

Создаётся впечатление, что они меня впервые видят. Носы морщат и губы кривят соответствующе.

Вообще, я слышала, что в этой школе учатся дети из самых обеспеченных семей города. Встречаются, конечно, и вроде нас с Мышкиной, но в основном по чистой случайно-

сти. Вера просто живёт рядом с этой школой, поэтому учиться здесь. А меня приняли потому, что в других школах попросту не оказалось места.

Парень встаёт из-за парты, и теперь мне приходится очень сильно задрать голову, чтобы смотреть ему в глаза. Лучше бы сидел, так разговаривать было удобнее.

– С чего ты это взяла? – слегка наклоняется.

– С того. Ты, то угрожаешь мне, то наоборот, пытаешься предостеречь от опасности, у тебя раздвоение личности? Не пойму, хороший ты, или плохой... – что-то меня понесло, и даже пронзительный взгляд чёрных глаз не смущает.

Влад смотрит пристально ещё некоторое время, а потом немного наклоняет голову так, что его лицо становится слишком близко. Густые брови сведены к переносице, а губы слегка подрагивают от нервного напряжения. Парень злится.

– Я не хороший, уж поверь, – цедит приглушённым севшим голосом, хватая рюкзак и уходит, ощутимо задев меня локтем.

Звук отодвигающихся стульев, шёпот одноклассников и смех девчонок – всё это фоном проносится в сознании, пока пытаюсь переварить слова Чернышевского. Спасибо Мышкиной, она хватает меня под руку и выводит из кабинета в холл.

Пару раз щёлкает пальцами перед моим носом, пытаюсь вернуть в реальность.

– Ах! – громко выдыхаю, приходя в себя.

Дыхание становится рваным, а в висках пульсирует кровь. Давно я так не нервничала, даже вчера, когда впервые шла на урок в новой неизвестной школе, чувствовала себя гораздо увереннее.

– С возвращением, – улыбается Вера.

Пытаюсь сфокусировать взгляд на пухлом, довольно милым лице девушки, но сделать это по-прежнему сложно.

И что меня так задело, не пойму. Пристальное внимание Влада к моей персоне или его холодный, леденящий нутро тон, которым он пытался меня предупредить об опасности?

Влад

– Ты прикинь, да? Идея – чума! – восклицает Ди, когда я выхожу из кабинета математики.

Вместе с Мишкой они стоят немного в стороне от входа и живо что-то обсуждают.

Штерн, заметив меня, поправляет свою короткую юбку. В итоге та становится ещё короче.

Дура. Я никогда не куплюсь на её дешёвые фокусы.

Подавляя внутренний блок и испытываемую от вида этих двоих брезгливость, подхожу к одноклассникам.

– Как дела? – мне плевать.

Мне глубоко пофиг как дела у этих придурков. Но их, как псов цепных, нужно всё время контролировать.

Поэтому приходится иногда использовать «пряник».

– Классно выглядишь, – подмигиваю Дианке.

Вкладываю нечеловеческие усилия в это действие.

– Влад, – расплывается в тошнотворной улыбке.

И выкладывает передо мной все свои «гениальные» планы.

Что и требовалось доказать.

Перед английским присаживаюсь ненадолго рядом с новенькой.

Она, как примерная ученица, разложила на парте все принадлежности и ждёт начала урока.

– Не советую тебе отвечать на предложение Штерн, – смотрю на Скворцову строго.

Девчонка пробегает по мне оценивающим взглядом. Морщится.

– Ты о чём? – изгибает одну бровь домиком.

Такая мелочь, а серьёзная – дальше некуда.

И не глупая. В отличие от Штерн.

– Ты понимаешь, о чём я, – припечатываю холодно.

Да что же она такая упёртая.

– И как ты себе это представляешь? Инна Витальевна дала поручение, мне проигнорировать классного руководителя? Или что? – разводит руками.

Надо подняться и уйти, забить на всё. Но ноги словно свинцом налились – не встать, не пошевелиться.

«Ты должен её предупредить!» – вопит внутренний голос.

– Ди что-то задумала, если не хочешь вляпаться в неприятности, послушай меня.

Встаю и ухожу на своё место.

Весь урок не свожу глаз с Надежды. Она тоже то и дело ёрзает на стуле. Нервничает, наверное.

Это правильно. Это полезно.

После урока хватает свои вещи и с воинственным выражением лица мчится к моей парте.

– Что тебе от меня нужно? – вот дотошная.

– Мне? – усмехаюсь. – От тебя? – специально повышаю голос.

Не потому, что не хочу с ней разговаривать. Нет. Просто мне самому не нравятся мотивы, которые мной руководят.

Встаю, глядя на новенькую сверху вниз. До чего же мелкая.

– С чего ты это взяла? – слегка наклоняюсь.

От неё пахнет свежестью. Так приятно, что я зависаю ненадолго.

Заставляю себя отпрянуть.

Выслушиваю внимательно гневную тираду, пытаюсь понять, что Надя говорит.

Мне хочется смотреть и смотреть в её голубые глаза, а не объясняться сейчас.

Хмурюсь, когда мозг обрабатывает полученную информацию. Наклоняюсь к девчонке, разглядываю правильные черты лица.

А она милая.

Но её моё мнение не интересует. Кажется, в глазах девчонки я такой же, как эти клоуны – Диана и Мишка.

– Я не хороший, уж поверь, – вырывается само собой.

Злость из-за такого дерзкого предположения новенькой разливается по венам кипящей лавой.

В такие моменты мне трудно себя контролировать.

Беру рюкзак и выхожу из кабинета, слегка задев девчонку напоследок.

Глава 6

Стоит последнему уроку подойти к концу, как возле моей парты тут же вырастает Штерн. Диана изображает дружескую улыбку, но выражение её лица больше напоминает звериный оскал.

– Я уже жду тебя, Надежда, – с презрением произносит моё имя и нетерпеливо постукивает длинными ногтями по парте.

Девушка даже не старается скрыть истинное отношение к моей скромной персоне. Она переминается с ноги на ногу и брезгливо морщит нос, когда я демонстративно ставлю на стол свой рюкзак и складываю в него принадлежности. Конечно, все мои вещи куплены в обычном магазине, а большая часть одежды и вовсе сшита руками мамы. Но я всегда одета чисто и опрятно, и, на мой взгляд, это самое важное, а не название бутиков, в которых приобретена та или иная вещь.

– Давай ты для начала расскажешь, что за задание придумала, – не спешу выходить из кабинета.

– Блин, Скворцова, два дня здесь учишься, а уже ведёшь себя по-хамски! – выплёвывает. Бедная, хоть бы собственным ядом не отравилась.

Я поднимаюсь и складываю руки на груди. Конечно, мне всё равно приходится смотреть на девушку, задрвав голову.

Но сидя разговаривать ещё сложнее.

– И где я тебе нахамила? – усмехаюсь.

– Я – заместитель старосты, мне Инна Витальевна поручила помочь влиться тебе в коллектив. Возиться с тобой у меня нет ни малейшего желания, а ты ещё и выпендриваешься.

В красноречивом монологе Дианы слышатся нотки обиды, и мне даже немного совестно становится. Отчасти Штерн права, ей бы только научиться изъясняться менее язвительно.

Прежде, чем выйти из класса, прощаюсь с Мышкиной. Она пригласила меня в гости до вечера, ведь у нас очередная консультация намечается. На этот раз по русскому языку. Но мне пришлось отказаться от любезного предложения одноклассницы, потому что я уже обещала Диане.

Послушно иду вслед за Штерн, даже когда мы сворачиваем в узкий плохо освещённый коридор, в конце которого виднеется одна единственная дверь.

Библиотека. Длинные стеллажи и много-много книг. Интересно, их хоть кто-нибудь читает в наше время, когда бумагу активно вытесняют электронные носители?

Сразу подмечаю, что никого кроме нас с Дианой в помещении не видно, да и дверь Штерн ключом открывала.

– Что от меня требуется?

– Нужно проверить инвентарные номера на вот этих двух рядах, – девушка взмахом руки показывает на парочку стеллажей слева от меня.

Окидываю их взглядом: на каждой по три полки, так мы до утра возиться будем.

– Это задание нашему классу дали ещё в конце прошлого учебного года, так сказать, в счёт практики, но, увы... – разводит руками.

– Никто ничего не сделал, – подытоживаю я.

– Не то чтобы. Посмотри, здесь шесть рядов, остальные уже проверили. Но эти в основном Любка и Ко занимались, а она на прошлой неделе руку сломала. Поскользнулась, – поджимает губы.

Мы переглядываемся как бы невзначай, и по тому, как Диана старательно отводит взгляд, я делаю свои выводы по поводу болезни пока ещё незнакомой мне одноклассницы Любы. Подозреваю, там не так всё чисто.

– А Люба – это староста класса? – спрашиваю вполне очевидную вещь, ведь прекрасно слышала сегодня Инну Витальевну.

Но мне неловко находиться наедине с этой девушкой, поэтому задаю глупые вопросы. Она же открыто демонстрировала своё презрение, а сейчас разговаривает как ни в чём не бывало. И меня это настораживает, желудок сжимается от нехорошего предчувствия.

– Да, Любка Фирсова – наша староста, вооот, это тебе для разогрева, – Диана опускает внушительную стопку книг на стол и возвращается к стеллажу.

Я присаживаюсь на стул и приступаю к работе после того,

как Штерн показывает мне, что нужно делать.

Проходит примерно минут тридцать, Диана тоже работает и пока молчит, даже производит впечатление вменяемого человека. Я беру следующую стопку и возвращаюсь к столу.

– Это последняя, потом я отлучусь на полчаса, сбегать что-нибудь перекусить возьму в магазине напротив, – сообщаю своей напарнице. Или надзирательнице, я пока не поняла.

– Ой, – грустно выдыхает, – ты голодная? Прости, я не подумала, сама я придерживаюсь строгой диеты, поэтому иногда забываю, что остальные люди нуждаются в пище.

Молча киваю в ответ, потому что ничего не хочу отвечать. Мне не нравится, что девушка вдруг стала разговаривать со мной довольно ласково. Буквально сорок минут назад ядом плевалась, а теперь в подружки набивается, неужели я похожа на дуру, которая способна поверить в такую резкую перемену?

– Надюш, – обращается, когда я заканчиваю с последней книгой, – потерпишь ещё пять минут? Я в туалет сбегать и вернуться, – поджимает стеснительно губы.

– Ладно, – соглашаюсь неохотно. Я на самом деле очень проголодалась.

Беру ещё пару книжек с полки, чтобы не сидеть без дела, и когда по моим ощущениям проходит не пять, а все пятнадцать минут, тянусь за телефоном.

– Не поняла, – говорю в пустоту, ведь кроме меня в биб-

лиотеке по-прежнему никого нет.

Ещё раз шарю ладонью по столу. Я точно помню, что положила телефон именно сюда, но на всякий случай проверяю рюкзак.

Пусто.

Высыпаю всё содержимое на стол, но это не даёт желаемого результата.

Сердце начинает стучать немного быстрее от боязни того, что мои опасения подтвердятся.

Иду к вешалке и проверяю карманы куртки, но и там нет моего телефона. А вот это уже не смешно.

Ноги сами несут меня к двери в библиотеку. Дёргаю за ручку. Заперто.

Пытаюсь ещё раз открыть непослушную дверь, но она по-прежнему отказывается открываться.

Как глупо и одновременно предсказуемо.

В том, что Штерн намеренно всё подстроила, чтобы запереть меня здесь, я не сомневаюсь. Даже телефон мой стащить не побрезговала.

Бешеный стук в груди отдаёт эхом в висках, и мне даже кажется, что дышать становится труднее. Оглядываюсь по сторонам. В помещении всего два окна, и они на мою удачу не закрыты решётками, а значит, я могла бы с лёгкостью выбраться из ловушки, в которую так просто угодила. Если бы не одно «но». Библиотека находится на третьем этаже.

– Откройте! – сжимаю руки в кулаки и, что есть силы, сту-

чу ими о дверное полотно. Кожа саднит от боли после продолжительного сражения с этой злосчастной перегородкой, отделяющей меня от внешнего мира, но мои действия всё равно не дают желаемого результата.

Чтобы немного собраться с мыслями, возвращаюсь и сажусь на стул. Перебираю в голове возможные варианты.

Интересно, рабочий день библиотекаря уже подошёл к концу? Будет просто замечательно, если нет. Кстати, почему ключи оказались у Дианы? Их она тоже стащила, как и мой телефон?

Надо было этими вопросами раньше задаваться.

Охранник. В этой школе должен быть охранник, который проводит по вечерам обход. Я услышу его шаги и постучу в дверь, и почему я не подумала об этом сразу? Теперь остаётся только дожидаться вечера.

Правда, сделать это оказывается не так просто. Я брожу из угла в угол и нетерпеливо жду наступления сумерек, но тут мне приходит в голову другая идея.

Подбегаю к одному из окон и открываю его настежь. Пустырь. Парочка рослых деревьев и заброшенный недострой. Да уж, вряд ли этой дорогой ходит много людей, а я так надеялась увидеть кого-нибудь из одноклассников или учителей. Время как раз подбирается к четырём часам дня, значит, скоро начнётся консультация по русскому языку.

– Помогите! – всё же предпринимаю попытку докричаться хотя бы до одной живой души. Вдруг, кто-нибудь да услышит

меня. – Помоги-и-ите! – мой голос хрипнет из-за холодного воздуха, который мгновенно проникает в лёгкие.

Я понимаю, что вечером дома хватятся и начнут меня искать, ведь я сказала, что после школы задержусь и приду домой, когда закончится консультация. Но как бы я не уговаривала себя успокоиться, сделать это не просто.

Настенные часы показывают половину шестого вечера, а на улицу опускаются сумерки.

Пробую ещё раз позвать на помощь. Проворачиваю ручку и открываю окно, кричу.

Тишина. По этой глухой стороне школы даже машины не ездят, что уж говорить о пешеходах.

Может, Мышкина вспомнит обо мне? Хотя, она даже номера телефона моего не знает, вряд ли сможет чем-то помочь.

К семи часам я уже совершенно не ощущаю голода, так как это чувство ушло на второй план. По щеке катится слеза. Одинокая, как и я в этих чужих пугающих стенах.

В голове – хаос из мыслей, и я не сразу понимаю, что за скрежет заполняет пространство. В замочной скважине проворачивается ключ, а я замираю, буквально перестаю дышать. Кто это может быть? Неужели охранник пришёл мне на выручку? Или Штерн с друзьями придумала что-то новенькое и вернулась, чтобы воплотить свои фантазии в реальность?

Глава 7

Дверь открывается, словно в замедленной съёмке, а я сижу на полу, затаив дыхание. Не свожу глаз с дверного проёма.

– Эй! – раздаётся знакомый голос, но я пребываю в таком шоке, что даже не сразу понимаю, кому он принадлежит.

Поднимаю голову и всматриваюсь в мужской силуэт. Чернышевский. Он-то здесь что забыл?

В голове тут же всплывает наш разговор сегодня перед английским, а ещё вчерашнее предупреждение после консультации по химии. Парень мне открыто угрожал, неужели теперь пришёл, чтобы посмеяться надо мной?

Тяжёлые шаги Влада эхом отдают в голове, парень замирает в полуметре от меня.

– Ну? – злорадно ухмыляется. Становится не по себе, непроизвольно передёргиваю плечами. – А я ведь предупреждал тебя, мелочь!

Надо бы подняться с пола, но я продолжаю сидеть, как приклеенная. Впервые в жизни чувствую себя беспомощной настолько, что хочется выть в голос. Мне кажется, что вслед за Чернышевским сюда придут остальные члены их шайки, и в голове красочно вырисовываются сюжеты из новостных хроник. Толпа школьников избивала одноклассницу. Или: группа подростков жестоко расправились со своей жертвой.

Воображение продолжает играть на моих нервах, а руки и

ноги холодеют, я крепче обнимаю себя, чтобы хоть немного согреться.

– Эй, ты замёрзла что ли? – фыркает презрительно. – Поднимайся!

Рукавом белой блузки вытираю щёки, потому что не хочу, чтобы кто-то заметил следы от слёз на моём лице. Особенно эти мажоры. Хватит того, что один из них видит сейчас меня в таком униженном положении.

– Давай руку, – усмехается, и буквально перед моим носом оказывается широкая ладонь парня. Длинные крупные пальцы так и манят вцепиться в них и почувствовать опору и поддержку, но я не настолько наивна.

Поднимаюсь без посторонней помощи, отряхиваю одежду от пыли и, гордо вскинув голову, иду за своими вещами.

Надеваю куртку, накидываю рюкзак на одно плечо и неожиданно понимаю, как глупо сейчас выгляжу, делая вид, что ничего не произошло. Чернышевский явно в курсе проделок Штерн, возможно, они даже сидели где-нибудь под дверью, когда я стучала и звала на помощь. Смеялись надо мной, радовались удавшейся шутке.

– Спасибо, что открыл дверь, – роняю еле слышно. Мой голос охрип от безуспешных попыток докричаться до прохожих.

Резко разворачиваюсь и иду в сторону выхода, стараясь не смотреть в глаза парня.

– Постой, – он кладёт руку на моё плечо и заставляет за-

тормозить, силой *удерживает на месте*. – *И куда ты собралась, на ночь глядя?*

Поднимаю голову, смотрю в лицо парня. Мужественные черты, суровый взгляд, заострённые широкие скулы. Своеобразная, но довольно притягательная красота.

Вздрагиваю. Не о том думаю. Мне нужно выбираться из библиотеки и скорей спешить домой, пока не влипла снова.

Буквально бегу по узкому коридору, выхожу к лестнице, спускаюсь на первый этаж и пулей вылетаю из здания. За мной никто не гонится, но внутреннее чутьё кричит о том, чтобы скорее уносила ноги.

На улице давно стемнело, и мне не по себе от одной мысли, что я буду добираться до дома в потёмках.

– Постой, – на плечо ложится тяжёлая ладонь.

Опять он.

Разворачиваюсь, делаю пару шагов назад.

– Что тебе от меня нужно? – уверенно смотрю на Чернышевского. Пусть думает, что я его не боюсь. – Мало того, что твоя подружка меня заперла, так и ты ещё поглумиться пришёл?

Зажмуриваюсь на мгновение, пожалев о необдуманных словах. К чему устраивать истерику перед этим двуличным мажором?

Я пячусь назад, но Влад продолжает наступать.

Упираюсь спиной в кирпичную стену здания. Чувствую себя загнанным зверьком, но по-прежнему продолжаю дер-

жать лицо.

Я знакома с этим парнем пару дней и совершенно не знаю, что от него можно ожидать. Его друзья меня возненавидели с первого взгляда, и он вполне может их поддерживать, хоть и пытается сделать вид, что это не так.

Влад останавливается, когда между нашими телами остаётся буквально меньше двадцати сантиметров пустоты. Его тяжёлый взгляд вызывает дрожь по телу, хочется отвернуться, не смотреть в глаза, которые чернее самой глубокой ночи. Такие же, как и их обладатель, таинственный и тёмный.

– Вот, – произносит немного подхриповатым голосом спустя долгих двадцать секунд. Да, я вела отсчёт и ждала каких-либо действий от Чернышевского.

Парень протягивает руку, и я вижу, что в его ладони лежит мой телефон. Даже так?

– Значит, ты тоже был здесь? – теперь пришла моя очередь усмехаться.

Не знаю почему, но мне до последнего хотелось верить, что Влад не такой, как остальные мажоры. И разочарование бьёт сильнее самой сильной пощёчины. Странно, чего я ждала?

– С чего ты взяла? – делает шаг назад, позволяя мне вдохнуть глоток свежего воздуха.

От этого парня исходит такой жар, что кислород сгорает мгновенно, и становится трудно дышать.

– Если тебя не было вместе с твоей подружкой, когда она

решила запретить меня в библиотеке, то откуда, позволь спросить, у тебя мой телефон?

Мне не нужно разговаривать с этим парнем, не нужно ничего спрашивать. Нормальный человек, у которого инстинкт самосохранения не отбит напрочь, бежал бы от этого места как можно дальше. Но я не нормальная. Я привыкла добиваться истины, чего бы мне это не стоило.

В моей старой школе у меня была подруга. Мы дружили с первого класса, а в прошлом году она меня предала. Решила с чего-то, что я положила глаз на её парня, хотя знала, что у меня учёба на первом месте. Я давно решила стать врачом, и подготовка к поступлению в медицинский университет занимает львиную долю моего времени. Не до парней мне. Да и представители сильно пола любят девушек с модельной внешностью и длинными ногами, и такая коротышка, как я, не пользуется успехом и мужской части населения. Меня попросту не воспринимают всерьёз.

Так вот, моя подруга не стеснялась в выражения и умудрилась внушить половине одноклассников, что я пыталась отбить у неё её драгоценного парня. Больших усилий мне тогда стоило доказать свою невиновность и очистить имя не только в глазах сверстников, но и учителей.

С тех пор я не боюсь трудностей, потому что знаю – правда всегда на моей стороне.

– Я не помогал Диане, не запирал тебя, но ты имеешь полное право не верить мне.

Чернышевский разводит руками и уходит со школьного двора.

Только оставшись наедине с собой, я понимаю, насколько сильно бьётся моё сердце. И понять причину внезапно возникшей тахикардии никак не могу.

Застёгиваю куртку и иду в сторону калитки. По тропинке огибаю школу, выхожу на просторный тротуар, который хорошо освещается светом фонарей, что несказанно радует.

Дохожу до пешеходного перехода, но перейти дорогу не успеваю. Путь мне преграждает автомобиль. Кроваво-красный седан в свете ночных фонарей выглядит немного злое.

Стекло на водительской двери опускается. Что ему ещё нужно?

– Садись, я подвезу тебя, – Влад с тонким налётом благородства на мужественном лице кивает на пассажирское сиденье.

– Нет, – отвечаю таким тоном, чтобы ему сразу стало понятно, что убеждать меня бесполезно. Я отрицательно качаю головой и пожимаю плечами, обхожу застопорившую движение тачку.

Продолжаю идти по тротуару, мысленно переваривая случившееся. Я иду от силы минут пять, Влад выехал чуть раньше. При этом он остановился на переходе таким образом, что водительская дверь оказалась с моей стороны. Получается, парень специально развернул машину и вернулся за мной?

На улице ни души, и только тихий шелест колёс не даёт мне наслаждаться прогулкой. Не буду оборачиваться, потому что и так прекрасно знаю, кто следует за мной.

Познакомься мы при других обстоятельствах, мне бы даже было приятно внимание парня. За мной никто никогда не ухаживал, не приглашал на свидания. А мне, как и любой другой девчонке, хочется верить в принца на белом коне, в сказку, в любовь.

Но этот Влад...

– Надежда, – его хрипловатый голос раздаётся так близко, что я подпрыгиваю от неожиданности.

Оборачиваюсь и вижу, что красная тачка припаркована в нескольких метрах от тротуара, а сам Влад буквально вырос за моей спиной. Как он так бесшумно передвигается?

Чувствую, что во мне начинает закипать злость. Выставляю указательный палец вверх и буквально тычу им в начальное лицо парня.

– Не смей! За мной! Идти! – выплёвываю ядовито, не хуже, чем Штерн. – Если ты или твои дружки хоть на метр ко мне приблизитесь, то я...

Не успеваю договорить, потому что в следующее мгновение Влад касается моей руки своими пальцами, нежно перехватывает её и мягко опускает. Его большая ладонь, на вид показавшаяся мне довольно грубой, на деле такая приятная, тёплая. Парень слегка поглаживает мой указательный палец, заставляя его опуститься. Я расслабляю руку.

Словно зачарованная смотрю на наши пальцы. Они переплетены каким-то странным образом, и умом я понимаю, что пора выбираться из этого плена. Но продолжаю стоять неподвижно, позволяя Владу гладить мою руку.

– Я просто хочу проводить тебя, – его голос такой умиротворяющий, располагающий к себе. – Если ты боишься садиться ко мне в машину, я могу пройти с тобой пешком. Просто хочу быть уверен, что ты благополучно добралась до дома.

Киваю в ответ, словно под гипнозом. Он околдовал меня своими ласковыми речами, а я что же, как послушная овечка пойду за ним следом?

Очнись, Надежда!

– С чего вдруг тебя волнует, как я буду добираться до дома? – выдёргиваю руку и, мне кажется, слышу, как насыпается на мелкие части то очарование, которое застыло в моменте нашего прикосновения. – Ты что же, благородный рыцарь?

Лицо парня искажается недовольной гримасой, но сам он не произносит ни слова.

– Ты же говорил, что ты нехороший? – продолжаю допытываться.

Разумнее просто послать преследователя на все четыре стороны. Я же хочу докопаться до истины, как всегда.

– Может быть, и не такой плохой? – подмигивает. – Считай, что у меня раздвоение личности, – улыбается. Немного

жутковато, но при этом, невероятно обворожительно. – И да, у меня нет никакой подружки.

Последнее он для чего уточнил, не поняла?

Глава 8

– Ладно, – цежу отстранённо. Голос немного дрожит, но будем считать, что это от холода, зима как никак. Надеюсь, Влад не настолько пронизателен, чтобы понять, что именно меня взволновало. – Только мы пойдём пешком, в твою машину я не сяду.

Делаю пару шагов, Чернышевский идёт следом. Слишком близко, слишком тесно прижимается ко мне.

– И да, – разворачиваюсь, практически врезаюсь в парня, – держи дистанцию.

Возможно, мой голос звучит излишне строго, но я не собираюсь церемониться с едва знакомым одноклассником.

До моего дома идти ещё минут сорок, и я буду не против провести это время в полнейшей тишине, но у Влада своё мнение на этот счёт.

– Я не запирал тебя в библиотеке, – роняет отстранённо. Кажется, я сегодня это уже слышала.

Откровенно говоря, даже не представляю, что ответить парню. Он такой странный, молчаливый и слишком загадочный. Надо быть полной дурой, чтобы не понимать, что парень пытается мне помочь. Только зачем ему это, я понять не могу.

Его дружки – Рягузов и Штерн – кажутся мне открытыми книгами, с ними понятно всё с первого взгляда. А Чер-

нышевский, он другой. Его абсолютно нелогичные поступки заставляют меня вновь и вновь возвращаться мыслями к парню.

– Возможно, но что это меняет? То есть, какой во всём этом смысл?

Замедляю шаг, останавливаюсь и поворачиваюсь к Владу. Мне очень интересно, что он ответит, а ещё я хочу видеть лицо собеседника, его взгляд. Ведь словами можно сказать что угодно, но мимика может оказаться куда красноречивее любых оправданий.

Я бы на месте Влада просто ушла, даже если бы была права. Ну сделал ты доброе дело, помог человеку, а он не оценил, и что? Зачем доказывать что-либо тому, с кем ты едва знаком? Другое дело близкие люди, мнение которых имеет значение.

– Я хочу, чтобы ты меня услышала, – говорит медленно, вкрадчиво, – чтобы поняла, что можешь доверять мне.

Он слегка склоняет голову набок и смотрит в мои глаза, рассматривает долго внимательно. Что он там такое интересное увидел? У меня обычные глаза серо-голубого цвета, и ничего особенного в них нет.

– А что, если я не хочу никому доверять? – отвечаю после небольшой паузы.

Физически ощущаю, как воздух между нами накаляется, становится плотнее, гуще. И пронизывающий ветер, который до этого пытался пробраться под одежду, теперь не ка-

жется таким сильным.

Влад опять злится. Его глаза блестят от негодования, а мышцы лица слегка подрагивают. Мне даже кажется, что я слышу хруст костяшек пальцев на его руках от того, с какой силой он сжимает кулаки, спрятанные в карманы кожаной куртки.

– Ты уверена, что справишься без посторонней помощи? – говорит, повернув лицо в сторону, выпускает изо рта тоненькую струйку пара. Мороз крепчает, и надо бы скорее добираться до дома, но я продолжаю стоять посреди улицы и всеми силами пытаюсь понять мотивы, которые движут поступками Чернышевского.

– С чем, с чем я должна справиться? – не могу сдержаться, смеюсь. – Ты такой странный, угрожаешь мне и тут же заводишь разговоры о каком-то доверии.

– Просто постарайся больше не переходить дорогу «моим» друзьям, – с демонстративным ехидством выделяет слово «мои», скалится.

– Я никому не переходила дорогу, – бурчу обиженно и продолжаю путь, – ты знаешь об этом прекрасно. Вы все об этом знаете.

– Кажется, этот разговор не закончится никогда, – парень усмехается. – Просто, я позволю себе маленькую надежду на то, что ты всё-таки прислушаешься к голосу разума. И ко мне.

Непробиваемый. Кажется, он начинает меня раздражать.

Только в одном прав – этот разговор никогда не закончится, если мы продолжим в том же духе.

– Скажи, ты для чего сдаёшь химию? – принимаю единственно правильное решение и перевожу тему.

Желания вести непринужденную беседу с этим парнем нет никакого, его маниакальные замашки настораживают. Но до дома ещё чуть больше двадцати минут добираться, и надо это время как-то пережить.

– Тебе действительно интересно? – в голосе звучат странные нотки, отдалённо напоминающие радость.

Отворачиваюсь, делаю глубокий вдох. Нет, мне не интересно, я просто хочу перевести наш разговор в нейтральное русло. Сказать об этом Владу или деликатно промолчать?

– Допустим, – отвечаю расплывчато.

– Из-за матери, – парень пинает камешек, который спокойно лежал на тротуаре и совершенно не мешал проходу. – Она спит и видит, как я стану успешным хирургом, – разводит руками.

– А ты сам чего хочешь? – мы уже почти подошли к дому, и я могу оставить парня и уйти, но продолжаю стоять рядом с ним.

Это довольно странно, но мне кажется жизненно важным узнать ещё хоть немного об однокласснике.

Влад молчит. Он смотрит вдаль и не говорит ни слова. Наверное, задумался о чём-то.

– Это никому не интересно, – произносит, наконец.

Хочется поспорить с ним, сказать, что мне очень интересно, но я держу язык за зубами. Для начала самой неплохо было бы понять, что меня вдруг так заинтересовало в этом парне.

Вежливо прощаюсь и неторопливой походкой иду домой. Мысли в моей голове танцуют зажигательные танцы, мешая здраво оценить ситуацию.

Зато отец делает это вместо меня.

– Почему так поздно? – бросает со злостью, стоит мне только переступить порог. Его лицо перекошено от гнева, а грудь вздымается от частого дыхания. – Я тебя спрашиваю, где ты шаталась? – буквально рычит, заставляя меня инстинктивно вжаться в стену.

В прихожей появляется мать.

– Валера, не волнуйся, – бросается к отцу, успокаивает. – Наверное, задержали, всё-таки экзамены на носу.

Она гладит мужа по плечу, выдавливая из себя располагающую улыбку, но папа не реагирует.

– Я видел, – его указательный палец оказывается перед моим носом, – я видел, что тебя мужик какой-то привёл, немедленно отвечай, кто он?

Лицо родителя покрывается пунцовыми пятнами, а я не могу и слова вымолвить. Настолько опешила от происходящего, что просто растерянно хлопаю ресницами и периодически открываю и закрываю рот, как рыбка, выброшенная на берег.

– Это мой одноклассник, па... – роняю на выдохе.

– Воспитал, на свою голову, – небрежно машет рукой и уходит в свою комнату, громко хлопнув напоследок дверью.

Мать осуждающе покачивает головой и с опаской смотрит в сторону спальни.

– Марш к себе! – приказывает, но абсолютно беззлобно. Скорее для вида пытается поддерживать позицию папы, на деле, вряд ли всерьёз злится на меня. – И телефон включи!

Вот я...

Чернышевский вернул мой телефон, а я вместо того, чтобы включить его и позвонить домой, непонятно о чём думала. Неудивительно, что отец так бурно отреагировал на моё опоздание, он в принципе очень строг к нам с братьями. Но ко мне в особенности.

Если верить словам моей покойной бабушки, у папы была очень бурная молодость. Он старше мамы на десять лет и женился в достаточно зрелом возрасте. Более того, бабушка утверждала, что у моего отца есть ещё дети, старше меня. Внебрачные.

Я была маленькой и часто слышала разговоры матери и бабушки, но с трудом могла уловить их логику и последовательность. Всё всегда сводилось к тому, что папа якобы был достаточно популярен у противоположного пола, а женился на такой невзрачной мыши, как моя мать. И она должна была ценить его доброту, так считала бабушка.

Но это всё лирика, а самое главное в этой истории то, что

отец с чего-то решил, что я могу пойти по его стопам. Поэтому мне никогда не разрешалось выходить из дома после семи вечера, носить вызывающую одежду и злоупотреблять косметикой.

Меня не особо напрягали запреты отца, я была увлечена учёбой и сама не стремилась к разного рода сомнительным развлечениям. Мне хватало общения со сверстниками в пределах школы, я была послушной дочерью. До сегодняшнего дня.

Теперь же я чувствую себя так, словно мне на голову вылили ведро помоев. Мерзко и униженно одновременно.

Медленно отрываюсь от стены, потому что до этого стояла, словно приклеенная. Захожу в спальню и закрываю за собой дверь. Главное, немного переждать. Гнев отца скоро утихнет, и я смогу спокойно жить, как и раньше. Если получится, как раньше.

Влад. Он пугает меня и в тоже время притягивает к себе, словно магнитом. Мне любопытно узнать, что у этого странного парня на уме, почему он ведёт себя так... неоднозначно.

Через час своего заточения я набираюсь смелости и выхожу из комнаты. Терпеть больше нет сил, я жутко голодна и, в конце концов, хочу в туалет.

Судя по звукам храпа, исходящим из родительской спальни, отец спит. Поэтому я беспрепятственно иду в кухню и делаю себе чай. Заходит мама.

Она устало опускается на стул и бросает на стол полотенце

для рук.

– Надь, помоги пацанам сделать русский, а? У меня уже просто сил на них нет. И терпения тоже, – тяжело вздыхает.

Как будто у меня есть силы. Особенно после всего того, что произошло сегодня.

– Да, мам, конечно, – натянуто улыбаюсь. Не думаю, что мама не понимает моего состояния, но, кажется, её удобнее делать вид, что всё в порядке.

Всегда завидовала тем девочкам, которые дружат со своими мамами. Секретничают, рассказывают им о своих переживаниях. У нас не так. Нет, конечно, родители любят меня по-своему. И мама старается, как может, но всё же не подружки мы с ней, как ни крути. Может, оно и к лучшему.

До переезда в этот город я очень тесно общалась со своей тётёй, маминой сестрой. Она старше меня всего на восемь лет, и мы всегда с лёгкостью находили общий язык. Но месяц назад Оля вышла замуж, а мы уехали из города. И я бы рада позвонить ей, поболтать по душам, как раньше. Но всё не решаюсь, боюсь помешать молодожёнам, которые только недавно вернулись из свадебного путешествия. Оля, как любит повторять мой отец, удачно вышла замуж. И её избранник ни в чём не отказывает любимой, поэтому после свадьбы увёз её в Дубаи. А я надеюсь, что как только у неё появится возможность, она сама позвонит мне.

В спальне братьев как всегда, хаос. Тетради и учебники валяются на полу, Димка сидит на столе, а Тимофей скачет

по кровати.

– О! Надюха! – восклицает восторженно Тимка. – Пришла нам с домашкой помочь?

Ничего не отвечаю, лишь покачиваю головой. У этого сопляка такой тон, словно я не помогать буду, а вместо этих лоботрясов уроки делать. Бессовестные. В отличие от меня, учатся в школе, которая в десяти минутах ходьбы от нашего дома. Их приняли без проблем, а для меня, видите ли, места не хватило.

– Значит так, пока не наведёте порядок, помощи можете не ждать! – произношу строго и собираюсь выходить из комнаты.

– А мы маме пожалуемся, что ты не хочешь нам помогать, – произносят хором и показывают языки.

– Рассказывайте, – усмехаюсь и выхожу из этой обители срача. После сегодняшнего мне уже, кажется, ничего не страшно.

Глава 9

– Серьёзно? – Вера округляет глаза, и я боюсь, что они сейчас вывалятся из орбит.

Я пришла в школу минут за двадцать до начала уроков и вкратце пересказала Мышкиной события вчерашнего вечера. Подробности разговора с отцом, разумеется, опустила.

– Я тебе больше скажу, Штерн меня встретила при входе в школу и «извинилась», – рисую в воздухе кавычки. – Мол, у неё живот разболелся, и она ушла домой. Про телефон и закрытую дверь вообще ни слова, будто не её рук дело.

– Ну, вообще...

– А главное я вот чего не пойму, Вер, чего эти двое ко мне привязались? Ну, я же не сделала им ничего? – эмоционально взмахиваю руками.

Мы стоим возле окна и ждём звонка на урок. Девушка ставит один локоть на подоконник и подпирает рукой щеку, задумчиво смотрит в окно.

– Видишь ли, это их обычное поведение, – её губы вытягиваются в тонкую линию. А тон такой, словно она пытается оправдать этих негодяев.

– То есть, для вас в порядке вещей это всё? – слегка повышаю голос. Эмоции зашкаливают, и обострённое чувство справедливости не даёт успокоиться. – Бре-е-ед!

Поправляю серую юбку, которая, спасибо маме, теперь си-

дит на мне, как влитая, и иду в класс. Мышкина плетётся следом.

– Ты пойми, Надь, Рягузов – сын директрисы, родители Чернышевских – спонсоры школы...

Вот даёт. Ещё и аргументы приводит, исходя из которых, все перед этой шайкой преклоняться должны.

– А Штерн? – резко разворачиваюсь, Вера едва успевает затормозить, чтобы не снести меня своими габаритами.

– Штерн? Штерн их подружка и тоже ребёнок спонсоров – равнодушно пожимает плечами.

Безразмерная блузка с довольно широким вырезом съезжает на один бок, и Вера её тут же поправляет. Смотрю на неё искоса – странная. Конечно, её фигура далека от идеала, но одежда на несколько размеров больше придаёт ей дополнительные объёмы.

– Всё равно бред! – качаю головой и вхожу в кабинет.

Вера садится рядом со мной, мы договорились, что будем сидеть за одной партой. Мышкина рада избавиться от одиночества, а я... Мне в принципе всё равно. С другой стороны, всякие мажоры подсаживаться не будут.

Через несколько минут класс заполняется учениками, и начинается урок русского языка.

– Сегодня пишем сочинение, – объявляет Ирина Алексеевна, учительница русского языка и литературы.

Высокая стройная брюнетка, не смотря на молодой возраст, отлично владеет предметом. Женщине на вид около

тридцати лет.

Я люблю русский язык, в прошлом году даже участвовала в районной олимпиаде и заняла первое место. Поэтому с лёгкостью выполняю задание и даже не удивляюсь, когда учительница просит меня зачитать работу перед классом. Только вот остальные как-то косятся, а парень за последней партой и вовсе периодически простреливает ненавидящим взглядом.

Ещё один мажор? Сегодня третий день, как я пришла в эту школу, но парня этого вижу впервые.

Два урока русского языка пролетают незаметно, я получаю две пятёрки и довольная собой иду вместе в Мышкиной в столовую.

Мы берём по стакану тёплого компота из сухофруктов и тарелке плова. Вера ещё покупает пару ватрушек, старательно игнорируя мой осуждающий взгляд.

М-да, надо бы как-нибудь тонко намекнуть однокласснице, что с её фигурой мучное категорически противопоказано. Я, конечно, понимаю, что в нашем возрасте частое чувство голода – это нормально. Будучи подростками, мы растём, и организму требуется много энергии. Но Вере всё же не мешало бы отказаться хотя бы от мучного, жирного или сладкого. Убери она только один пункт из своего рациона, думаю, ситуации стала бы в разы лучше.

– Вер, я с собой денег мало взяла сегодня, а у меня ещё консультация по биологии после уроков. Ты не могла бы по-

делиться со мной одной ватрушкой? – делаю грустные глаза и смотрю на собеседницу.

При всей моей смелости, мне не хватает духу вот так в лоб заявить девушке о необходимости срочно садиться на диету. Мы знакомы всего три дня и даже ещё не подружились толком, ну как я её скажу такое? Поэтому попробую пока действовать хитростью.

Мышкина неохотно протягивает мне тарелку с выпечкой и выдавливает скупую улыбку. Ничего, пусть привыкает, я её ещё на пробежку, как потеплеет, вытаскивать буду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.